

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дмитрий Дашко

МЕНТ

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРОСТОР

«КРЫЛОВ»

Дмитрий Николаевич Дашко
Мент. Оперативный простор
Серия «Исторический
детектив (Крылов)»
Серия «Мент», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67968326

*Оперативный простор:
ISBN 978-5-4226-0397-8*

Аннотация

Водоворот событий захлестывает Григория Быстрова и выносит его из тихой провинциальной гавани на оперативный простор – в северную столицу. Петроград двадцатых годов. Жизнь бурлит в эпоху НЭПа: энтузиазм народных масс, показная нэпманская роскошь, комсомольцы, чекисты, трактиры, налетчики, извозчики, бывшие офицеры, контрреволюционные заговоры. Где-то тут гуляет Ленька Пантелеев, шалят другие банды и уголовники-одиночки. Милиции есть чем заняться, и Григорий Быстров оказывается во всё это вовлечен. Но главное, что он должен сделать – спасти мужа сестры от ложного обвинения в убийстве. Если оно, конечно, ложное...

Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	66
Глава 9	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дмитрий Николаевич Дашко Оперативный простор

© Дашко Д., 2021

© ИК «Крылов», 2021

Автор выражает свою благодарность всем, кто помогал в работе над книгой, и особенно:

Евгению (Oigene) из группы «Исторический роман» –
https://vk.com/translators_historicalnovel

Пользователям сайта «Автор. Тудей» под никами *readerlord* и *Nikolite Михаилу Анатольевичу Унакафову*

Буду рад видеть своих читателей у меня в гостях на **[https://author. today/u/dashkobooks](https://author.today/u/dashkobooks)** и **[https:// vk.com/dashko_books](https://vk.com/dashko_books)**

Глава 1

Чужое прошлое может напомнить о себе весьма удивительным способом. Я знать не знал эту женщину, которая назвалась моей сестрой и была готова упасть передо мной... ну, хорошо, перед тем, кого она считала братом, на колени.

А это было то, что я ненавижу больше всего.

– Даже не вздумай! – крикнул я в ответ на её реплику. – Никто и никогда не должен так унижаться! Ты меня слышишь?

Она кивнула.

– Прости, брат! Отчаяние повергает любую гордыню. Мне уйти?

Я чуть не застонал.

– Ты сказала, что тебе нужна помощь.

– Да.

– И какой я буду брат, если отвечу тебе отказом?!

Я посторонился, пропуская женщину.

– Проходи. Думаю, нам есть о чём поговорить.

Она достала из сумочки платок, вытерла им выступившие слёзы и сделала осторожный шаг через порог моей комнаты.

Войдя, посмотрела по сторонам.

– Ты один?

– Как перст. Не беспокойся, нам не помешают.

Сначала хотел предложить ей снять с себя что – то вроде

жакета, но потом понял, что она ещё не успела согреться.

– Я могу сесть? – спросила гостья.

– Что за дурацкий вопрос! – возмутился я. – Ты у меня в гостях. Извини, из меня плохой хозяин, мне нечего тебе предложить... Если только немного кипятка.

– Я замёрзла, – призналась она. – Горячая вода будет кстати.

– Тогда сиди и жди! Я скоро.

Я вернулся с двумя кружками, доверху наполненными горячей водой. Слава богу, хотя бы с кипятком проблем нет.

В прошлой жизни я был весьма неприятязателен.

Да и много ли нужно обычному менту? Жена умерла, дочка вышла замуж... Если не считать работы, по сути, больше ничего у меня и не было. Приходил один в пустую квартиру, падал без сознания на диван, утром просыпался, завтракал и на службу.

А потом вдруг случился сердечный приступ, и вот я из двадцать первого века оказался отброшенным на сто лет назад, аккурат в самое начало НЭПа.

И теперь вдруг выяснилось, что у меня вроде как есть родня...

Настоящий Георгий Быстров тоже от сибаритства не страдал. Но в этот момент меня накрыло чувство страшной неловкости – это было всё, что я мог ей предложить.

– Бери, только не обожгись, – всучил я кружку гостье.

Она обхватила её обеими руками и сделала маленький

глоток. Только сейчас она заметила повязку на моей руке.

– Тебя ранили, братик?

– Пустяки! – отмахнулся я. – Просто зацепило. Иначе тебе пришлось бы меня искать по больницам.

Мои слова её успокоили.

Она снова продолжила пить кипяток, аккуратно дуя на него, прежде чем сделать глоток.

Я тем временем пытался вспомнить, что знаю о сестре. Ларчик с памятью Быстрова открываться не хотел, в голове остались лишь скудные крохи информации, которую когда-то сообщил мне предатель Баштанов, настоящую личность которого мы пока не установили.

Итак, что мне известно: мы в страшной ссоре (это подтверждается словами самой сестры), она вроде как живёт в Петрограде и давно со мной не общалась.

Стоп! В Петрограде? Получается, она приехала. Вахтёр Степановна сказала, что сестра спрашивала обо мне ещё вчера, то есть она уже второй день как в городе.

– Где ты остановилась? – спросил я.

Она слабо улыбнулась.

– Я приехала на поезде ещё вчера. Хорошо, что остался твой адрес. Сразу приехала сюда, а тебя нет. Пришлось заночевать на вокзале.

– Ты бы сказала на вахте, что моя сестра. Тебя бы обязательно впустили...

– Я даже не была уверена, что меня впустишь ты, – опу-

стила она глаза.

– Почему?

– Что – «почему»? – удивилась она.

– Почему мы поссорились? Хотя, прости, я задам тебе другой вопрос. Он покажется тебе странным, но я чуть погодя всё объясню.

– Задавай, – с напряжением в голосе сказала она.

– Как тебя зовут?

– Екатерина... Катя, – машинально ответила гостя и сразу спохватилась: – Георгий, что с тобой? Ты был так зол на меня, что забыл моё имя?

– Брат не должен злиться на сестру, – сказал я. – Пожалуйста, ничему не удивляйся, но... Пару недель назад меня контузило. Ранение было куда серьёзнее, чем это, – я показал на руку. – Валялся без сознания несколько дней. А когда очнулся понял, что у меня провалы в памяти.

– Жора, это не шутка? – нахмурилась сестра.

– Да какие тут могут быть шутки! В общем, сестрёнка, нам с тобой придётся знакомиться заново, потому что я не очень уверен, что прежняя память вернётся ко мне. И да – хочу сразу предупредить: не смотри на меня с жалостью – в остальном я в полном порядке.

– Тогда мне лучше быть с тобой полностью откровенной. Это будет честно с моей стороны. Если потом передумаешь помогать... Что ж, ты в своём праве, – вздохнула она.

– Не делай скоропалительных выводов, – попросил я. –

Быть может, новый Георгий Быстров окажется не таким плохим, как ты о нём думаешь.

– Ты спросил, из-за чего мы поссорились... Я полюбила человека, которого ты считаешь врагом. Он... – Катя запнулась, – он был кадровым офицером, воевал с австрийцами, участвовал в Брусиловском прорыве. Тогда его дивизией командовал Корнилов. Когда власть захватил Керенский, муж участвовал в мятеже на стороне бывшего командира – он всегда высоко отзывался о нём, даже входил в исполком союза офицеров. Тогда моего Сашу и арестовали впервые в жизни, – Катя всхлипнула. – Потом пришёл Ленин – Корнилова и Сашу освободили. Они подались на Дон, Саша снова служил под командованием Корнилова в его Добровольческой армии и был с ним до самого конца, пока Лавр Георгиевич не погиб в Екатеринодаре. А ты уже воевал в конармии Будённого. Когда узнал, кем стал мой муж – как с ума сошёл! Накичал на меня и сказал, что порываешь со мной навсегда.

Я невольно присвистнул. Да... гражданская война на то и гражданская, что проходит водоразделом по каждой семье. Брат идёт на брата, сын на отца. Трещит не только страна, разлом проходит и по семьям.

Как бы я себя повёл, окажись на месте Быстрова? Он был молод и горяч, а мне уже пятьдесят, возраст не мальчика, но мужа. Я научился и прощать, и ненавидеть.

Семья всю жизнь была для меня чем-то святым. И как бы ни оступился кто-то из моих родных, я всё равно бы не стал

рвать с ним отношения и всегда бы пришёл на помощь.

– Что теперь с твоим Александром?

– Он был в плену у красных, потом его амнистировали. Чтобы не было лишних проблем, он даже взял мою... то есть нашу фамилию Быстров, и мы теперь живём как семья Быстровых.

– Как с работой?

– Ему повезло. У Александра большой опыт в военном деле, причём далеко не кабинетный. Саше дали должность в школе комсостава в Петрограде, он получал и жалованье, и продовольственный паёк. Я думала, что теперь у нас всё будет хорошо, мы заживём... ну не как прежде, но всё равно вместе, заведём детей. Потом, – она всхлипнула.

– Что – потом? – напрягся я.

– Потом случилось то, из-за чего я к тебе приехала, – она вскинула подбородок и посмотрела на меня взглядом раненого оленёнка. – Саша дружил со многими другими преподавателями школы, большинство из них тоже в прошлом были офицерами. Саша называл их фронтовыми товарищами – видишь, он не чурался ваших большевистских словечек.

– Хорошо. Это я уже понял. Говори, что произошло.

– Один из его новых друзей – Хвылин – начал откровенно ухлёстывать за мной. Саше это не понравилось, у них случился конфликт. А потом Хвылина нашли мёртвым: его застрелили. Подробностей я не знаю, мне их просто не сказали, но твои петроградские коллеги посчитали, что это Саша

убил Хвылина и сделал это из-за меня.

Я кивнул. В принципе логика питерских оперов понятна – я бы сам в первую очередь стал пробивать окружение на предмет конфликтных ситуаций. Но и другие версии не стал бы сбрасывать со счетов.

– Сашу арестовали, – продолжила Катя.

Я понимал, что ещё немного и эмоции нахлынут на неё, она разрыдается.

– Ты уверена, что сможешь продолжать?

– Смогу. Мне надо выговориться! – почти прошептала она.

– Хорошо. Но если почувствуешь, что тебе плохо – прервись. Поговорим, когда успокоишься и тебе станет легче, – попросил я.

– Да, – кивнула она. – Но мне надо рассказать тебе всё и сразу. Я была у следователя. Тот абсолютно уверен, что Саша убийца. И никого другого искать не собирается. Я умоляла, унижалась, просила, обещала, что буду жаловаться – надо мной только смеялись и называли истеричкой и дурой. Это было очень больно и обидно, но я не думала тогда о себе, я думала о Саше – как он, что его ждёт? Нам даже не разрешили свидания.

– Я понял тебя, Катя. К сожалению, среди следствия и уголовного розыска есть всякие люди. Скажи – Хвылин действительно домогался тебя?

– К несчастью. Он был абсолютно бестактен, не давал мне

прохода в отсутствие мужа, дерзил, хотел распустить руки... Я долго скрывала это от Александра, но однажды правда всплыла. Они даже подрались. Саша набил Хвылину морду. Только это не помогло. Хвылин словно с цепи сорвался и удвоил свои приставания.

Чувствовалось, что тема сильно тяготила сестру. Каждая фраза доставалась ей буквально с трудом.

– А почему ты считаешь, что Саша не убивал его? – задал главный вопрос я. – Он что – не смог бы из-за тебя убить? Катя встряхнулась, словно обиделась моим словам.

– Он воевал и не боится смерти. Но Саша – офицер, у него есть то, что он называет честью офицера. Сейчас так не принято говорить, это считают отголосками старого режима. Но для мужа слово «честь» многое значило. Саша не стал бы стрелять в спину, а вызвал бы Хвылина на дуэль. Поэтому я точно знаю: убийца кто-то другой, не мой муж. Именно это я и сказала следователю, а он расхохотался мне в лицо, – Катя всхлипнула.

– Ну же! – Я сел рядом, приобнял её. – Всё будет хорошо! Мне безумно хотелось её утешить. Женские слёзы – страшное оружие. Особенно если учесть, что плачет моя сестра.

– Тогда я бросила всё, купила билет на поезд и приехала к тебе.

– Ты правильно сделала, сестрёнка! – улыбнулся я. – Я рад, что мы с тобой встретились и заново обрели друг друга!

Ближе тебя у меня никого больше нет.

– Жора, ты ведь по-прежнему работаешь в уголовном розыске? – вдруг спросила она.

– Да.

– Тогда ты знаешь, что нужно делать. Мне очень нужна твоя помощь. Я хочу, я умоляю тебя, чтобы ты нашёл настоящего убийцу и спас моего мужа от тюрьмы! – сказала сестра.

Глава 2

Я ожидал чего угодно, но только не этого.

– Катя, ты понимаешь о чём просишь?

– Иначе меня бы здесь не было, – сказала она.

– Почему ты думаешь, что мужа посадят?

– Я не знаю: посадят или расстреляют. Я не знаю новых законов. Я ничего не знаю, кроме того, что никого другого милиция не ищет! – запальчиво выкрикнула она.

– У тебя просто могло сложиться такое мнение, – вкрадчиво заговорил я. – Понимаешь, есть такое понятие – тайна следствия. Ни милиция, ни следователи – никто не имеет права выдавать служебные сведения посторонним.

– Боже мой! Ну как мне сделать, чтобы до тебя дошло! – Катя схватилась за виски руками и принялась качать головой. – Мне прямым текстом сказали, что убийца найден и что это мой муж!

Она остановилась, посмотрела на меня с тревогой и надеждой:

– Ты поможешь мне, брат?

У меня во рту стало сухо. Я мог бы сейчас наобещать всё, что угодно, вплоть до того, что достану звёздочку с небес. Но это было бы ложью.

– Давай сделаем так, – я включил деловой тон, обычно он хорошо действует на взвинченных людей и успокаивает, –

мы вместе поедem в Петроград. Я схожу к следователю, к оперативникам, которые занимались убийством, поговорю с ними. Если, как и они, приду к выводу, что Александр – убийца, прости, Катя, но покрывать преступника я не стану. Даже если это твой муж.

– Хорошо, – кивнула она. – Только Саша не убивал. Я в это верю!

– Веры здесь мало. Нужны факты, – так же сухо продолжил я. – И вот если факты будут таковы, что у меня возникнет хоть вот столечко сомнений насчёт виновности Александра, – я слегка развёл большой и указательный пальцы, – то я приложу все усилия, чтобы разыскать настоящего преступника.

Её лицо просветлело, она кинулась ко мне с поцелуями, я на секунду деликатно приобнял её, но потом отстранил от себя.

– Подожди, Катя. Для начала мне бы хотелось бы развеять некоторые иллюзии.

– А ты стал начитанным, братишка. Вон какие слова употребляешь, – улыбнулась сестра. – Не о том речь, Катя, – я поморщился. – Я не хочу давать напрасных надежд. Это здесь, в городе, моё слово что-то да значит, и ко мне бы прислушались. Для товарищей в Петрограде я никто, допуск к делу мне не оформят. Значит, придётся действовать неофициально. Как понимаешь, Натов Пинкертонов и иже с ними любят только читатели бульварной литературы – органы

следствия же их на дух не переносят. Поверь, никому не понравится, когда у тебя под ногами начнут путаться посторонние люди. Ребятам из петроградского угро – тем более.

– Я понимаю, – вздохнула сестра.

– И ещё один важный момент. Кем бы ты меня ни считала, но я обычный оперативник, не Шерлок Холмс. И я не умею по кучке табачного пепла вычислять убийцу. К тому же я буду действовать один – а раскрытие преступлений, как правило, результат слаженных действий целой команды.

– Но у тебя же есть я! – в сердцах воскликнула Катя.

– Есть. И, поверь, мне бы меньше всего хотелось, чтобы ты влезла в это дело, – заключил я.

– Тогда что мы будем делать? – растерянно спросила она.

– Для начала сходим поедим в столовую. У меня есть талоны на завтрак, я с тобой поделюсь. Потом ты останешься здесь, а я пойду к своему начальнику.

– Он тебя отпустит?

– Попробую уговорить, – без особой уверенности сказал я. – Если не отпустит – напишу заявление о собственном уходе. Семейные дела для меня намного важнее службы.

Катя снова прильнула ко мне, и я вдруг ощутил, как во мне зарождается настоящая братская нежность. Быть может, это заговорила частичка души настоящего Быстрова. Я понял, что не смогу подвести Катю, что из кожи вон вылезу ради неё и порву всех врагов на британский флаг.

И пусть я видел её первый раз в жизни, но уже любил как

сестру, которой у меня никогда не было в той жизни.

Я обнял девушку, сквозь одежду почувствовал заострившиеся лопатки у неё на спине.

– Ты сильно похудела, сестричка! Наверное, голодала там у себя, в Питере.

– Ты тоже не похож на Гаргантюа, – улыбнулась она. – Выглядишь совсем как Паташон: такой же высокий, худой и задумчивый.

– Тогда пойдём, исправим это.

Мы отправились в столовую. К моему удивлению, сестра не столько ела, сколько любовалась мною, тем, как я уплетаю кашу, сваренную на чём-то вроде технического масла или какой-то другой гадости, способной вызвать приступ дикой изжоги, как пью несладкий компот, как вытираю рот за неимением салфеток и полотенце тыльной стороной руки.

– Ты очень изменился, братишка, – вдруг проговорила она. – Возмужал, повзрослел. Ты сейчас так похож на папу.

– Извини, я его тоже не помню.

– Понимаю, – закивала она. – Это всё проклятая контузия.

Катя спохватилась:

– А эта твоя амнезия... Она не мешает тебе?

– Знаешь, у неё какой-то избирательный характер. Всё личное из памяти стёрто, как грифель с аспидной доски, а вот то, что касается работы – зафиксировалось намертво. Так что не переживай, сестрёнка: на моих профессиональных качествах амнезия не сказалась.

После завтрака я оставил её у себя в комнате. Потом пришёл к Степановне, предупредил, что ко мне приехала сестра и что она какое-то время поживёт со мной.

– Я сразу поняла, что это ваша родственница, – сказала вахтёрша. – Не волнуйтесь, никто вашу сестрицу не побеспокоит.

– Спасибо, Степановна! – Я чмокнул пожилую женщину в щёчку, и та просто расцвела от удовольствия.

Дальше мне предстоял визит к Смушко, но сначала полагалось доложить непосредственному начальнику – Гиберу.

Выслушав меня, он кивнул:

– Пиши заявление, я согласую. Если Борисыч заупрямится – хотя это вряд ли, скажешь мне, я его уломаю. Удачи, Быстров!

Начальник губрозыска Смушко сидел в кабинете и говорил по телефону. Увидев меня, он кивнул и показал взглядом, чтобы я присаживался, подождал, пока он не закончит беседу.

Я не слышал, о чём говорит невидимый собеседник Смушко, но с каждой фразой лицо начальника мрачнело всё сильнее и сильнее. Кажется, ему сообщали плохие вести.

Закончив, он положил трубку и повернулся ко мне.

– Здравствуй, Быстров!

– Здравствуйте, товарищ Смушко.

Я положил своё заявление перед ним.

– Это что такое? – с подозрением спросил он.

– Заявление на отпуск по ранению.

– Какому ранению?

– Этому, – я осторожно опустил ладонь на повязку.

– Ты же сам отказался от госпиталя! – удивился Смушко.

– Товарищ начальник губрозыска, скажу честно: ранение – это всего лишь повод. У моей сестры большие неприятности в Петрограде, по обвинению в убийстве арестован её муж. Хочу попросить у вас две недельки, чтобы съездить и во всём разобраться.

– Значит, так просто – съездить в другой город и разобраться? – хмыкнул Смушко.

– Ну да, – повёл плечом я. – Кроме сестры, у меня больше не осталось родных. Кто ей поможет, если не я?

Смушко приподнялся, с грохотом отодвигая стул. Подошёл к окну, зачем-то посмотрел в него, а потом принялся ходить по кабинету, заложив руки за спину.

– Отпуск, говоришь? – спросил он, остановившись.

– Так точно: отпуск по ранению, две недели, – подтвердил я.

– Три! – вдруг сказал он.

– Что – «три»? – не сообразил я.

– Три недели! – объявил Смушко. – И чтобы все эти три недели тебя не было в городе.

– Это как прикажете понимать, товарищ Смушко? – обалдело спросил я, не ожидая такой щедрости от начальства. Если честно, я и на две недели особенно не рассчитывал, учи-

тывая тот объём работы, который свалился на губрозыск за последние дни.

– Понимай, как сказано: сегодня же чтобы купил билет и ноги твоей в городе все эти три недели не было! – прорычал начальник.

Я слегка оцепенел от услышанного. Ну не укладывались никак эти слова в ту картину разговора, которую я мысленно прокручивал в голове, когда шёл сюда. Ждал чего угодно, но только не этого!

– Товарищ начальник, – встал я. – Если вы полагаете, что я веду себя как последняя сволочь и предатель, которая бросает своих товарищей в трудную минуту, то это не так! Вы прекрасно знаете, что я готов дневать и ночевать на службе, что я всегда с душой радею за дело!

– Дурак ты, Быстров! – резко оборвал меня Смушко. – Вернее, дважды дурак! Как ты мог такое подумать о нас, твоих товарищах!

– Виноват, – смутился я. – Только объясните, что происходит. Вы ведь не случайно хотите, чтобы я уехал из города.

– Именно, что неслучайно! – сказал Смушко. – И это будет самый лучший выход для тебя, Быстров.

– Я что-то натворил? – насупился я и стал лихорадочно вспоминать список собственных грехов. Если быть точным, то только те вещи, которые произошли на моей памяти.

Вроде ничего криминального не натворил. Конечно, даже к столбу докопаться можно, а уж тем более к оперу, однако

чего-то стоящего на меня вряд бы нарыли, где мог – я обставился.

Понятно, что у нас такая профессия – чаще пистон вставляют, чем награждают. Это было и в моём времени. Уверен, что и на заре советской власти ничуть не лучше.

Тогда что?

Кто знает, может, настоящий Георгий Быстров успел как-то накуролесить, а мне предстояло расхлёбывать последствия? Но я-то о них был ни сном ни духом!

И это самое хреновое в моём положении.

– Не мучайся, Быстров! – произнёс Смушко. – Вижу, что весь озадаченный, даже взгляд какой-то стеклянный стал. Ты как раз наоборот – молодчина! Действуешь как положено. Жаль, не все у меня такие, – вздохнул он. – И потому, что ты хороший работник, у тебя большие проблемы. Есть человек, который хочет твоей крови. К несчастью, это не рядовой обыватель или мелкий бандит. Я хочу вывести тебя из-под удара, Быстров!

Глава 3

Я присвистнул:

– Что, всё настолько серьезно?

– Более чем, – подтвердил Смушко.

– Можете поделиться раскладом, чтобы я понял – откуда ветер дует?

– А ты не догадался? – удивился Смушко.

– Догадываться – одно, знать – другое.

– Вчера Симкин попросил в камеру бумагу и чернила, сказал, что напишет признательное письмо.

– И что – обманул? – нахмурился я.

Учитывая, что Симкин – зам начальника губотдела ГПУ, я бы ничему не удивился. Дураков туда не берут, тем более на такую должность. И то, что мы его взяли с поличным, ещё ничего не означало. Могли и отмазать.

– Нет, не обманул. Накатал текста на рулон обоев. Вот только все грехи взял на себя, о своём начальнике, товарище Кравченко, ни слова плохого. Дескать, скрытно действовал за спиной начальника, постоянно боялся разоблачения и всё такое.

– Другими словами: Кравченко у нас теперь розовый и пушистый?

Смушко вряд ли мог знать эту идиому (для подстраховки я даже заменил слово «белый» на другую окраску), но мо-

ментально уловил смысл и кивнул в ответ.

– Да, по этой линии Кравченко не зацепило.

– А если попробовать забрать Симкина к нам – поколоть его здесь? – во мне разыгрался охотничий азарт.

– Его сейчас архангел Гавриил колет, – грустно сказал Смушко.

– Хотите сказать...

– После того, как Симкин в письменном виде дал признательные показания, он повесился у себя в камере. Дескать, чувствую глубокие угрызения совести, страдаю за то, что подвёл товарищей, больше не могу жить... Его нашли уже холодным.

– Кравченко... сука! – вырвалось у меня.

– Я тоже думаю, что его повесили, – подтвердил Смушко. – Заставили написать письмо, а потом отправили на тот свет.

– А что комиссия?

– Комиссия – ничего. Признания Симкина их вполне удовлетворили. Конечно, Кравченко вклеили строгий выговор, но с должности не сняли.

– Думаете, помогают высокие покровители из Москвы? – предположил я.

– Похоже на то. Любой другой уже турманом бы вылетел с поста.

– А почему не зашли с другой стороны... Этот Батыр, который в меня стрелял... Говорили, что он работает в ГПУ.

– Работал, – поправил Смушко. – Кравченко предъявил приказ, по которому этого Батыра уволили ещё две недели назад как не внушающего доверия. Более того, по нему велась разработка со стороны ГПУ. Причём всё официально, с печатями и подписями.

– Красиво обставился товарищ Кравченко, – невольно восхитился я.

– Это ещё не самое плохое, товарищ Быстров. Комиссия уезжает в Москву, а Кравченко теперь жаждет твоей крови.

– Ну, ему ко мне не подкопаться, – слегка легкомысленно произнёс я.

– Ошибаешься, – с горечью сказал Смушко. – Тебя хотят обвинить в применении пыток.

– Небось со слов бандита Трубки? – хмыкнул я. – Ну-ну, и что этому бандиту веры больше, чем мне?

– Кроме показаний Трубки есть ещё и показания Баштанова... Ну, то есть того, кого все по-прежнему считают Михаилом Баштановым.

– Так он же мёртв! – вырвалось у меня.

– Эта сволочь успела заранее написать на тебя жалобу чекистам.

– Вот же сволочь, этот Миша! – вырвалось у меня. – Даже после смерти пакостит!

– Ну, а поскольку никто не знает, что Баштанов – не тот, за кого он себя выдавал, и все считают, что это наш товарищ, который героически погиб в схватке с опасным преступни-

ком, его слова в глазах ГПУ и особенно товарища Кравченко имеют большой вес. Как понимаешь, посадить тебя вряд ли посадят, но вот из губрозыска уволить могут.

– Да... закрутилось колесо, – озадаченно протянул я.

– У Кравченко на тебя зуб, он тянуть не собирается. Поэтому я даже рад, что есть формальный повод, чтобы ты уехал из города. В Петрограде Кравченко до тебя не дотянется – руки короткие. Ну, а за три недели мы попробуем доказать истинную сущность Баштанова и выяснить, кто он такой. Этим делом будет заниматься Чалый, а он сейчас ради тебя в лепёшку разобьётся, но сделает.

– Спасибо, товарищ Смушко! – растроганно произнёс я.

– Не торопись с благодарностями, Быстров. Это ещё не всё. Надо ещё парочку дел сделать.

Он подвинул к себе несколько листов бумаги и принялся старательно писать. Когда просох первый лист, протянул его мне.

– Держи.

– Что это такое? – спросил я.

– Это письмо к товарищу Ветрову, инспектору третьей бригады Петроградского уголовного розыска. Он меня хорошо знает, на курсах познакомились. Третья бригада как раз занимается раскрытием грабежей и убийств, – пояснил он.

– Здорово, – обрадовался я. – Спасибо за рекомендательное письмо.

– Само по себе письмо ещё ничего не значит. Ветров –

мужик в целом нормальный, но должность накладывает свой отпечаток. Как понимаешь, в свою кухню посторонних пускать никто не любит, тем более в таких вопросах, как дело об убийстве. Так что есть вероятность, что он просто пожмёт тебе руку и на этом вся помощь закончится, – вернул меня с небес на землю Смушко.

– И всё равно глупо не попытаться использовать этот шанс, – сказал я.

– Поэтому я и написал это письмо, но опять же – никакой гарантии, что от него будет польза нет.

– Ещё раз огромное спасибо, товарищ Смушко. Я могу идти?

– Экий ты прыткий! – заулыбался начальник. – Раз уж пришёл – потерпи ещё чуток.

Он помахал в воздухе другими исписанными листами.

– Так, кажись высохли. Пошли, Быстров.

– Куда, товарищ Смушко?

– В финчасть. Или хочешь сказать, что тебе не нужны деньги? – заулыбался он.

– Ещё как нужны, – подтвердил я.

В карманах и в кошельке было откровенно пусто, и вряд ли потому, что настоящий Быстров сорил бабками направо и налево.

В финансовой части за столами сидели трое: худенький и незаметный мужчина в очках и нарукавниках поверх потертого пиджака и две женщины, одна в возрасте, другая – со-

всем молоденькая в светлой кофточке. Перед мужчиной на столе лежали счёты, он периодически щёлкал костяшками и что-то заносил в толстую прошнурованную книгу.

– Привет, Афиногеныч! Здравствуйте, девушки! – подмигнул барышням Смушко.

Я тоже поздоровался. Судя по всему, это были бухгалтера и табельщики – без которых невозможно существование ни одной конторы, даже уголовного розыска.

– Товарищ начальник... Здравствуйте, – с паузой ответил Афиногеныч.

Он был слишком погружён в свои цифры и не сразу вернулся к реальности.

– Значит так, Афиногеныч. Товарища Быстрова из первой бригады тебе представлять не нужно. Выдай ему всю задолженность по зарплате, отпускные за три недели и премию за вклад в поимке особо опасных преступников. Вот, у меня тут всё расписано. – Смушко подал бухгалтеру бумаги, которые писал в моём присутствии.

– Товарищ Смушко! – взмолился мужчина.

– Вы же сами знаете – касса пуста, денег нет!

– Афиногеныч! – с нажимом сказал Смушко. – Ты что – не понял, что тебе сказано? Я не знаю, откуда ты достанешь деньги, но чтобы вся сумма товарищу Быстрову была выдана без проволочек. И без пустых разговоров!

– Слушаюсь, товарищ начальник, – бухгалтер громко вздохнул, как больная корова. – Только вы ведь меня без но-

жа режете!

– Если продолжишь препираться – зарежу ножом! – улыбнулся Смушко.

– Товарищ Быстров, подойдите к окошку кассы. Там вам выдадут всю сумму, – мгновенно среагировал Афиногеныч.

– Товарищ Смушко... – Я даже запнулся от волнения. – Даже не знаю, как вас благодарить!

– Не знаю, как у тебя всё сложится в Петрограде, но ты у нас парень пробивной, своего добьёшься. Давай, Быстров, разбирайся с делами и через три недели назад! Желаю удачи!

Мы пожали друг другу руки, и начальник ушёл.

Я проводил его грустным взглядом. Не всякий начальник способен настолько заботиться о подчинённых. В прошлой жизни мне далеко не всегда везло на таких, как Смушко. Порой попадались откровенные сволочи, которых заботила только собственная карьера.

В кассе мне выдали пухлую стопку дензнаков. Не знаю, какова была их реальная стоимость, но в тот миг я почувствовал себя богачом.

Когда вернулся в общагу, то обнаружил, что Катя спит на кровати, укрывшись моей шинелью. Она даже щеколду за мной не заперла.

«Намаялась, бедолага». – с нежностью подумал я.

Будить сестру не хотелось, однако та почувствовала, что в комнате кто-то есть, и открыла заспанные глаза.

– Братишка?

– Это я, сестрёнка.

– Как всё прошло? Тебя отпустили?

– Конечно, – улыбнулся я. – Собирайся, поедem на вокзал покупать билеты на ближайший поезд до Петрограда.

– Я быстро, – пообещала она.

В дверь постучали.

– Входите, – сказал я.

Появилась Степановна, в руках у неё был какой-то свёрток.

– Жора, – она слегка помялась, – примерь, пожалуйста. Это тебе.

Она развернула свёрток, и я понял, что в руках у женщины был мужской костюм.

– Вроде твой размер, – сказала Степановна. – Хватит тебе всё тряпье какое-то носить! Штаны уже скоро просвечивать будут. А пиджак твой завтра будет готов, сейчас покуда сохнет.

– Спасибо, Степановна, – поблагодарил я.

– Сколько с меня?

– Нисколько, – женщина всхлипнула. – Это от моего сыночка Ванюшки осталось, царствие ему небесное... На гражданской, будь она неладна, сгинул. Мне оно не к надобности, а продавать – рука не подымается. Так что носи на здоровье.

У меня после её слов сжалось сердце. Никому не пожелаешь такого... Никакой матери!

Сдавило дыхание, к горлу подступил ком. Будь проклята

эта война, из-за которой так страдают наши матери!

– Спасибо тебе, Степановна! – дрогнувшим голосом сказал я.

У меня не находилось слов утешения для неё. Их просто невозможно найти.

– Да чего уж... – тихо вымолвила она. – Ты, главное, себя береги, Жора! Я ведь знаю какая у тебя служба. Как на фронте – каждый день под пулями ходишь.

Мне снова стало не по себе. Сколько же нерастраченной материнской ласки, сколько добра было в этой женщине, с которой так сурово обошлась жизнь!

– Я обязательно буду беречь себя, Степановна. Особенно после того, что ты мне сказала! И ещё – я уезжаю вместе с сестрой в Петроград недельки на три. Ты уж пригляди за комнатой, а?

Через полчаса мы с Катей покидали общежитие. Степановна вышла на крыльцо, чтобы проводить нас и помахать рукой на прощанье.

И ещё долго я чувствовал на себе её ласковый материнский взгляд.

Глава 4

Вокзал мне показался просто до боли знакомым – похоже, какой-то типовой проект, по которому застраивались все крупные станции по этой ветке железной дороги. Большинство из них сохранилось и до моих дней и, слава богу, не все перекрасили в корпоративные цвета РЖД. Правда, сейчас штукатурка обсыпалась, а краски выцвели, так что вид здания был не очень презентабельный.

Само собой, на входе не было рамок металлодетекторов и чоповцев, дотошно проверявших багаж. Не приходилось выворачивать карманы и демонстрировать поклажу. Хотя с последним у нас с сестрой всё было просто: дорожные пожитки уместились в солдатский серый вещмешок.

Внутри было полно народа, публика собралась разномастная: от нэпманов (те старались держаться на особинку и берегли свой багаж как зеницу ока) до банальных «мешочников» (они как раз держались кучками).

Караулил зал ожидания милиционер в светлой гимнастёрке, синих галифе и начищенных до блеска хромовых сапогах. Он с ленцой прохаживался по вокзалу, изредка шпыняя заскочивших на вокзал погреться ребят – судя по лохмотьям, явных беспризорников.

Мы ненадолго задержались у входа.

– Катя, ты иди в вокзальный буфет. Закажи что-нибудь:

хоть мороженого, хоть пироженого, – Я с улыбкой подал ей несколько банкнот. – А я за билетами.

– Хорошо, Жора. Хочешь, я и тебе что-нибудь закажу?

– Не надо, я сыт, – сказал я.

Катя поцеловала меня в щёку и пошла к довольно уютному привокзальному буфету. Ну, а мне предстояло узнать график движения. Чем быстрее окажемся в Питере, тем лучше.

Я посмотрел на табличку с расписанием. Если она не врал (а такое тоже вполне могло быть), поезд до Петрограда ходил три раза в неделю. И, если опять же написанное не было ложью – сегодня вечером отправление.

Возле единственной кассы стояла длиннющая очередь, которая рассасывалась на удивление быстро. Меня этот факт удивил: с подобной сноровкой не работают даже технически навороченные кассы из моего времени, а тут люди подходили и практически сразу отходили. Не сервис, а просто чудо, есть к чему стремиться технологиям будущего – опрометчиво подумал я, вставая в очередь.

Молодая разбитная бабёнка отклеилась от окошка и, недовольно бурча, отошла в сторону, сразу за ней был мой черёд.

Я слегка наклонил голову.

За стеклянной перегородкой сидела полная женщина лет сорока пяти, укутанная в огромный шерстяной платок. У неё был вид сильно простуженного человека. Периодически она чихала и сморкалась.

– Здравствуйте! Мне бы два билетика до Петрограда на сегодняшний поезд, – бодро заговорил я.

– Билетов нет, – проигнорировав моё «здравствуйте», гнусавым голосом ответила кассирша.

– Вот как... Ну, а на следующий поезд?

– И на следующий поезд тоже нет, – равнодушно ответила женщина.

– А перед отходом поезда билеты могут появиться? Может, сдаст кто? – спросил я, памятуя из прежнего опыта. – Очень надо.

Я постарался извлечь из себя максимально любезную улыбку, способную растопить даже ледяное сердце. Увы, она не сработала.

– Всем надо! Всё, молодой человек, не задерживайте очередь – проходите!

Я не стал спорить и уступил место следующему гражданину, вот только ему повезло не больше, чем мне. Его тоже ждал стереотипный ответ насчёт отсутствия билетиков.

Вот тебе, бабушка, и сервис. Как будем выкручиваться?

Подойти, поговорить с проводниками? Были у меня в жизни подобные истории, правда, давненько. В последний раз, наверное, в конце девяностых – начале двухтысячных. Иногда удавалось уломать. Потом с этим дело стало строго.

Ещё есть вариант поговорить с начальником поезда – ну не бывает такого, чтобы поезд был забит совсем под завязку. Всегда есть какие-то резервные места.

В иные времена сунулся бы к коллегам за помощью, только, если не ошибаюсь, железнодорожной милиции теперь нет, упразднили ещё в прошлом, 1921-м, году, а весь функционал передали сначала ЧК, а потом, соответственно, ГПУ – то бишь подчинённым Кравченко. И здесь мне лучше не «светиться».

Кто знает, может у смежников уже появились вопросы к моей скромной персоне, не зря Смушко настаивал, чтобы я уехал из города. Хотя, судя по здешнему милиционеру, рутинные задачи вроде поддержания порядка на вокзале, чекисты себе не оставили. А может, это просто особенность нашего города.

Зоны ответственности порой разделяются весьма причудливым образом.

Милиционер – это практически свой. Поговорить с ним, что ли? Если давно дежурит, должен знать все ходы и выходы и иметь нужные знакомства.

Утвердившись в этом решении, я собрался подойти к патрульному, но в этот момент меня тихонько окликнули.

– Эй, дядя! – Голос принадлежал щегольски одетому парню с нависшей на глаза чёлкой из-под франтоватого котелка.

– Чего тебе... тётя, – усмехнулся я.

«Тётю» этот щегол спокойно пропустил мимо ушей.

– Я слышал, ты вроде как в Петроград собираешься, – продолжил он.

– Допустим, – не стал отпираться я.

– Тебе билеты нужны на сегодняшний поезд? – с надеждой спросил он.

– Что – есть лишние?

Парень подмигнул.

– Для хорошего человека всегда найдётся. Ну что – нужны тебе билеты или мне другого покупателя искать?

– А какие именно?

– Да любые: хошь в зелёный вагон, хошь в синий, хошь в жёлтый – там, как понимаешь, недёшево, но ты ж вроде с барышней будешь, так что мой совет – в жёлтый бери. Дорога длинная – хоть согреешься, – он гнусно захихикал.

Ясно, спекулянт вокзальный, обыкновенный. Довольно распространённое явление как на советских, так и на российских вокзалах. Лишь продажа билетов по паспортам практически ликвидировала билетных спекулянтов как класс, но это, как порой говорила Дашка, не точно.

– За сколько продашь?

– Две цены, – ухмыльнулся он.

– Не пойдёт. Давай полторы.

Поломавшись для вида, он кивнул.

– Повезло тебе, дядя, я сегодня добрый. Полторы цены так полторы.

– Отлично. Тогда мне два билета в этот твой синий вагон, – сказал я.

– А что не жёлтый?

– Дорого выйдет.

Если я правильно понял объяснения Кати, жёлтый вагон или вагон 1-го класса это купейный, синий – плацкарт, а зелёный – общий.

Спекулянт поозирался по сторонам и тихо произнёс:

– Не здесь. Давай с вокзала выйдем, а то слишком много ушей.

– Пошли.

Его ухмылки и тон показались мне подозрительными. Я незаметно достал револьвер из кобуры и спрятал его в карман брюк. Нелишняя предосторожность.

Напротив вокзала находился сквер. Парень уверенно повёл меня к нему.

– Показывай билеты, – сказал я, когда мы остановились.

– Покажи деньги.

Я ненадолго высунул из внутреннего кармана кошелёк.

Спекулянт кивнул, достал из-за пазуху скомканную стопку билетов и, послунявив палец, отобрал два.

– Сколько с меня? – спросил я.

– Полтинник за оба, – сказал тот, отводя от меня взгляд.

– Мы оговорились за полторы цены, – сказал я, хотя и понятия не имел, сколько именно стоит билет.

Но по поведению парня чувствовалось, что меня собирались развести.

– Молодец, дядя, уважаю, – заулыбался тот. – Сороковник – и не забывай, что пять из них уйдут на дело просвещения в транспорте.

– Хрен с тобой! – Я отсчитал купюры и протянул их парню.

Но вместо того, чтобы забрать деньги, тот внезапно осклабился. В его руках появился нож.

– Значит так, дядя, я передумал. Сделки у нас не будет. Вернее, сделка будет, но вот условия поменялись: ты мне отдаёшь свой кошель – я ведь вижу, что он у тебя набитый, а я за это не стану тебя резать. На мой взгляд, честно. – А на мой – нет, – покачал головой я.

– Пеняй на себя, дядя! – Спекулянт перекинул нож из руки в руку.

– Ты лучше на это посмотри, – я продемонстрировал ему револьвер.

– Сука! – Он с досадой сплюнул себе под ноги и убрал нож.

– Так, граждане, это что здесь происходит?! Немедленно прекратите хулиганить!

К скверу приближался милиционер с вокзала.

– Слышь, Семёныч, – обратился к милиционеру спекулянт. – Ты этого субчика проверь: у него шпалер при себе.

– Ах ты! – Милиционер полез в кобуру за револьвером.

– Спокойно, я агент Быстров из уголовного розыска! – Я предъявил служебное удостоверение.

Милиционер замер, переваривая информацию.

– Фамилия, имя, отчество, должность! – потребовал я у него.

– Так это... Астахов Иван Семёнович – старший милиционер, – забормотал он.

– Тогда слушай меня, страшный милиционер Астахов. Этот тип, который пытался угрожать мне ножом – билетный спекулянт. У него куча билетов, которых почему-то нет в кассе вокзала. Я вижу, что вы прекрасно знаете друг дружку. Так вот – сейчас ты у него реквизируешь все билеты и вернёшь в кассу для продажи простым гражданам. Кассирше пояснишь в максимально доступной и простой форме, что если она ещё хоть раз толкнёт билеты в таком количестве на сторону – то я её отправлю в такие края, где у неё сопли на лету замерзать будут. А этого урода, – я показал на спекулянта, – не знаю, что ты с ним сделаешь, но чтобы он ближайшую пару месяцев любовался на свободу через окна с решётками, а потом, чтобы духу его здесь не было. Приеду – проверю!

– Семёныч! – дёрнулся спекулянт.

– Милиционер Астахов – ты меня понял?

– насупился я. – Или мне с тобой до угрозыска прогуляться?

– Всё понятно, товарищ Быстров. Не надо уголовного розыска, сделаю. Как приказали.

– погоди! – Я забрал пачку билетов из рук спекулянта. – Какие билеты в вагон первого класса?

– Эти – показал он.

– Не врёшь?

– Могу побожиться!

– Не надо. Государству за них уплачено?

Спекулянт кивнул.

– Сам в кассе покупал.

– Тогда беру их себе как моральную компенсацию, – заявил я. – А ты, Астахов, оформляй этого гражданина спекулянта, пока не натворил делов. И не забывай – как только вернусь из Петрограда, обязательно проверю!

Глава 5

Катю я застал там, где мы договаривались: она сидела за столиком привокзального буфета, перед ней стояла чашка кофе и вазочка с пирожными.

– Ну как? Купил билеты? – спросила она.

Я кивнул.

– Да. Едем в первом классе.

– Не знала, что уголовный розыск может позволить себе такую роскошь, – улыбнулась она.

– За всех не скажу, но, – я принял, кофе пах просто божественно, – лично я позволю себе также попить кофейку.

– Возьми себе и пирожное. Эклеры тут просто изумительны.

– Раз ты рекомендуешь – так и быть.

Кафе принадлежало нэпманам, ценник тут, конечно, кусался, но я решил хоть немного побаловать себя.

Если в целом к сладкому я был достаточно равнодушен, то эклеры с масляным кремом были моей маленькой слабостью. Правда, в моё время пальмового масла и пищевых добавок – большинство из них, мягко говоря, не дотягивало до вкуса пирожного моего счастливого советского детства.

Кто-то, конечно, скажет, что тогда и вода была мокрее и деревья зеленее, но стоило мне только откусить кусочек свежайшего эклера, купленного в привокзальном буфете, как я

сразу понял – вот он, вкус тех лет, ещё не испорченный химией и удешевлением технологии.

Уже только от одного вида и запаха, рот машинально наполнялся слюной.

Первое пирожное исчезло практически сразу, второе я уже смаковал, точно так же, как наслаждался каждым глотком бодрящего кофе.

Я даже зажмурился от удовольствия.

– Жора, ты такой смешной, – прыснула сестра. – Никогда бы не подумала, что ты такой сладкоежка.

– Ты ещё многого обо мне не знаешь, – подмигнул я.

– Надеюсь, ты имеешь в виду только хорошее.

Я вздохнул. Вряд ли смогу когда-нибудь открыться перед Катей, сказать, что я – не тот, за кого она меня принимает. Что её брата больше нет, а физическую оболочку занимает совершенно другой человек.

Возможно, если бы не моя душа, которая вселилась непостижимым образом в тело Георгия Быстрова, её брат скончался бы, не приходя в сознание. Но это всё равно слабое утешение.

Оставим между нами всё как есть, тем более я уже начал полностью воспринимать Катю как собственную сестру, которой у меня никогда не было. Не хочу причинять ей боль. Быть может, это нечестно с моей стороны, но раз уж я оказался в теле её брата, сделаю всё, чтобы сестра оказалась счастлива.

Я бросил взгляд на часы – по идее, уже должны подавать поезд. И тотчас же ударил колокол и послышался громкий голос перронного кондуктора.

– Нам пора, – сказал я.

– Жора, я так рада, что ты со мной, – произнесла Катя. – С тобой я снова могу почувствовать себя слабой женщиной.

– Ты – моя сестра: этим всё сказано. Допивай кофе и пошли, сестрёнка.

Началась обычная вокзальная суета. Перрон быстро заполнялся народом, вытекавшим из вокзала подобно воде, прорвавшей запруды. Люди спешили, толкались, то и дело образовывались заторы.

Я придержал Катю за руку.

– Подожди немного, а то затопчут.

– А вдруг не успеем? – взволнованно спросила она, а я невольно вспомнил бабушку, благодаря которой мы всегда приезжали на вокзалы часа за три до отправления, а потом долго и скучно ждали объявления посадки. Она, как и Катя, страшно боялась опоздать на поезд, а когда состав подавали к перрону, устремлялась к вагонам в первых рядах.

Раньше я думал, что всему причиной внутренние бабушкины страхи, а сейчас стало ясно – это во многом особенность трудной жизни её поколения. Хуже всего, что я тоже начинал поддаваться этой заразе, внутри уже появился тот характерный зуд, заставляющий совершать непродуманные действия.

И всё-таки я выждал, пока толпа рассосётся, и лишь тогда вышел на перрон. С порывом ветра резко пахнуло порывами ветра, паровозным дымом попеременно с паровозным дымом и копотью.

Всегда любил поезда, их мерный, рестук колёс, мелькающие за о станции, разговоры с попутчиками под чаёк, особую атмосферу предвкушения – когда ты понимаешь, что поезд перенесёт тебя в совершенно другое место, иной город.

Уже от одного взгляда на пылящийся, весь в клубах дыма паровоз и вытянутые в струнку вагоны я вдруг зарядился какой-то энергией. Она звала меня вперёд, к новому и совершенно незнакомому.

Перронный кондуктор проверил наши билетики, махнул рукой:

– Вам туда.

– Спасибо!

Мы пошагали к единственному в составе жёлтому вагону, у входа в который скучал, переминаясь с ноги на ногу, усатый проводник.

– Ваше купе третье по счёту, бельё уже застелено, – произнёс он, взглянув на поданные мной билеты. – Приятной поездки.

– Благодарю вас!

В купе оказалось неожиданно холодно. Катя присела на нижнюю полку и подула на озябшие руки. Я снял с себя пиджак и накинул на её тонкие плечи.

– Ничего, скоро согреемся.

– Ты бы знал, в каких условиях я ехала сюда, – тихо улынулась Катя. – Билеты были только в общий вагон, всю дорогу пришлось сидеть: шум, гам, я, наверное, пропахла табаком и махоркой, как ломовой извозчик. Несколько раз в вагоне случались драки, я жутко боялась, что ко мне начнут приставать...

– Теперь тебе нечего бояться. Ты, наверное, сильно устала... Когда тронемся, я выйду – ты переоденешься и ляжешь спать. Возьми моё одеяло, под двумя спать теплее.

– У меня теперь другие страхи. Я до смерти боюсь, что мы не сможем помочь Саше.

– Катя, я сделаю всё, что в моих силах.

– Спасибо тебе, брат!

Когда поезд тронулся, я, как и говорил, вышел из купе, чтобы не стеснять Катю – пусть переоденется перед сном и приведёт себя в порядок. Хорошо, что мы ехали вдвоём, и попутчиков у нас не было.

Промелькнул и остался позади вокзал, а за ним и весь город. За окнами поплыла череда сменяющих друг друга телеграфных столбов. Поезд медленно набирал ход.

В старых фильмах и книгах часто рассказывалось о том, как поезда застревали где-то на полпути из-за того, что заканчивался уголь или дрова, и пассажиры выходили пилить и рубить деревья. Надеюсь, до этого не дойдёт, и мы без всяких проволочек доберёмся до места назначения.

Прикинув, что прошло достаточно времени, я постучался в дверь и, выждав ещё немного, вошёл в купе. Катя спала, свернувшись клубочком на полке (даже не полке, а скорее, диване), подобно котёнку. Созвучие этих слов мне понравилось: Катя... катюша... котёнок. Было в них что-то уютное и домашнее, оно наполняло душу покоем.

Я разделся до исподнего и лёг в постель. Сон сморил меня сразу, стоило лишь коснуться головой подушки.

Разбудили меня лучи утреннего солнца, бившие в окно. Перед тем, как лечь спать, я не додумался завесить шторы на окне и теперь пожинал результат. Хотя, нет худа без добра. Судя по пейзажу за окном, мы приближались к какой-то станции, а значит, можно сходить за кипятком и побаловать себя чаем.

Я вышел в тамбур. Кроме меня там находился всё тот же усатый проводник.

– Долго стоим?

– Часа два, не меньше, – зевнув, ответил тот. – Паровоз будем менять, та ещё морока. Если вы насчёт чаю, так не волнуйтесь, всё принесу – сделаем в лучшем виде. У нас всё имеется: и заварка, и сахар. Если хотите перекусить посушественней, тоже можно сообразить.

– Отлично! – обрадовался я.

Всё-таки поездка первым классом даёт свои неоспоримые преимущества. Не надо с котелком или чайником толкаться в очереди за горячей или холодной водой.

Катя уже проснулась и с интересом наблюдала в окно за человеческим муравейником. Кто-то спешно выходил, в авральном порядке скидывая вниз баулы, чемоданы и мешки. Кто-то, наоборот, пытался пролезть внутрь, наплевав на встречный поток пассажиров и их ругань.

– Ну как, выпалась? – спросил я.

– Да. Как у мамы на перинах, – ответила она и тут же загрустила.

Я догадался, чем вызван перепад в её настроении. Она вспомнила ушедших родителей. Мне самому в такие минуты становится грустно.

Я подсел к ней и снова обнял. Катя провела рукой по моей щеке.

– Ой, ты такой колючий.

– Приедем в Петроград – обязательно побреюсь, – пообещал я.

Немного помолчав, спросил:

– Катя, извини, раз уж ты вспомнила маму... Скажи, а какими были наши родители? А то у меня ничего в памяти не сохранилось.

– Что, совсем ничего?

– Увы, – развёл руками я.

– Бедняжка, – вздохнула она. – Родителей нельзя забывать, их надо помнить и поминать в молитвах... Хотя ты же у нас большевик?

– Пока комсомолец. А насчёт молитв... Не вижу причин,

которые запрещали бы мне ходить в церковь. На войне атеистов нет, я испытал это на собственной шкуре, – уточнять, что это случилось во время командировок в Чечню, я не стал. – Так что я обязательно буду поминать папу и маму в молитвах, но мне всё равно бы хотелось побольше узнать о них.

Катя устроившись поудобнее, произнесла:

– А ты у меня очень необычный комсомолец, Жора. Обычно те, с кем я сталкивалась, были весьма категоричны и рубили с плеча. Иногда мне казалось, что это очень странные люди, фанатики. И как же я рада, что в тебе живёт вера! Что касается наших родителей, царствие им небесное – они были очень простыми людьми. Папа – мастеровой, всю жизнь работал на заводе. Его очень уважали, даже начальство. Мама – швея, работала на дому. У неё были золотые руки, к ней обращались даже те, кого сейчас принято называть «бывшими», в том числе и моя будущая свекровь.

Катя улыбнулась.

– Так, собственно, мы с Сашей и познакомились. Ну и ещё у нас, у Быстровых, есть одна общая семейная черта.

– Это какая? – заинтересовался я.

– Мы очень упрямые. Когда родился папа, священник долго отказывался его крестить... Дескать, Олег – не православное имя. Так дедушка сумел его убедить, хотя и поскандальить пришлось изрядно.

Я присвистнул. Да уж, занятные подробности. Хотя мне

почему-то всегда казалось, что Олег – имя более чем достойное занесения в православные святцы.

Как только поезд тронулся, в дверь постучали.

– Заходите, – разрешил я.

Появился проводник с двумя стаканами в металлических подстаканниках.

– Как и просили – чаёк. Сейчас и сахарку изладим. Да, – спохватился он после того, как поставил чай перед нами, – документики приготовьте заранее.

– А что такое? – удивился я.

– Да ГПУ по поезду с проверкой документов идёт. Говорят, ищут кого-то.

Глава 6

Да уж... а я только-только расслабился, подумал, что всё позади.

Само собой, проверка документов могла быть вызвана тысячей причин, к которым я не причастен никаким боком. Но что если чекисты ищут именно меня по поручению Кравченко? Каким-то образом узнали, что Быстров поехал в Питер и решили снять с поезда...

Взять ту же Степановну – я ведь не инструктировал её перед поездкой, вполне могла сказать товарищам из органов, куда мы направились с сестрой. Поездов в Петроград немного, вполне логично предположить, что я еду именно на этом.

Такие вещи вычисляются на раз-два и особого склада ума тут не нужно. Смущает, конечно, оперативность – я думал, что раскачиваться будут не день и не два, но на всякий пожарный необходимо в расчётах исходить из самого худшего.

Допустим, маховик чекистской машины запущен исключительно ради моей скромной персоны, и чекисты сейчас обходят вагоны с моей фотокарточкой (хотя это сомнительно) или просто ищут по конкретному ФИО Быстрова Георгия Олеговича (а это наиболее вероятно). Хуже всего, что неизвестно, какие инструкции даны гпэушникам на мой счёт. Ладно, если просто задержать для последующей передачи. Это ещё ничего, Смушко в обиду не даст. Но есть и другие

соображения: вдруг с подачи товарища Кравченко я объявлен лютой контрой, которую проще пристрелить на месте, чем взять живьём? Я бы такое не исключал. Кравченко – та ещё гнида, он отмажется при любом раскладе. Дескать, что-то недопоняли товарищи, перестраховались.

Не хочется думать о плохом, а придётся.

Итак, прикинем варианты моих действий на тот случай, если я – это тот, кто нужен парням из ГПУ. Что тогда?

Да, по сути, ничего толком, никакого пространства для манёвра. Ну не буду же я отстреливаться или брать заложников: мне ведь тут же лоб зелёнкой намажут. И Катя заодно пострадает, с ней точно не станут церемониться – запишут в сообщники и всех делов, тем более родная сестра, при любом следствии сойдётся.

Бежать? Пассажирский поезд – это, конечно, не подводная лодка, выбраться с него можно, но опять же – Катя... Я-то на ходу из вагона выпрыгну, дури и здоровья хватит, однако насчёт сестры не уверен. Если она разобьётся, я себе этого не прощу.

Если чекисты действуют грамотно, а в этом нельзя сомневаться – состав шерстят сразу с двух сторон: с головы и хвоста. Тут хоть забегайся из одного вагона в другой, как делают «зайцы» на электричках. Больше вероятности, что попадёшься или вызовешь лишние подозрения.

Катя заметила, что я как-то напрягся.

– Жора, ты как?

– Всё нормально, – максимально беззаботно ответил я. – Это профессиональное: вдруг что-то стряслось и надо помочь коллегам.

Катя успокоенно кивнула.

Была не была, решился я. Независимо от цели чекистов, буду изображать хорошую мину при плохой игре.

Дверь распахнулась. Вошли сразу двое в потёртых и скрипучих кожанках. Разом запахло махоркой и потом.

– Проверка документов. Предъявите ваши бумаги и удостоверения личности.

Взгляды чекистов были направлены в первую очередь на меня, то есть если кого-то разыскивают, то – мужчину.

Я показал удостоверение.

– Значит, работаете в губернском уголовном розыске, товарищ Быстров, – прочитал удостоверение старший. – Как поживает ваш начальник, товарищ Гейнц?

Что это – неуклюжая проверка? Отвечу, что знать не знаю никакого Гейнца, а начальником губрозыска является товарищ Смушко... так проблема в том, что я понятия не имею, как давно тот работает на этой должности. Может, раньше действительно был этот самый Гейнц, а чекистам покажется подозрительным, что я о нём не в курсе. И на то, что новичок – не сослаться.

Как назло, память Быстрова категорически отказывалась включаться и помогать новому реципиенту.

А ладно, извернёмся! Что-нибудь наплету...

– Вы, товарищи, наверное что-то перепутали – у нас начальником губрозыска является товарищ Смушко, – с деланным удивлением произнёс я.

– Виноват, напутал, – улыбнулся чекист.

На документы Кати они особого внимания не обратили. Похоже, тот факт, что я работаю в губрозыске, их успокоил. И на фамилию они не среагировали... То бишь зря паниковал, я им не нужен.

– Если это не секрет, я могу узнать, кого вы разыскиваете? – спросил я.

Чекисты переглянулись, но потом видимо решили, что пусть я и прохожу по иному ведомству, но всё равно – свой.

– Сбежал опасный преступник Фёдор Капустин по кличке Капуста. Его конвоировали в домзак, по пути родственница передала ему буханку хлеба – внутри оказался «Кольт». В общем, он перестрелял конвойных и ударился в бег. По нашим сведениям, хочет податься в Петроград, у него там друзья.

– Понял. Фотография или описание внешности Капустина у вас есть?

– Карточки нет, – вздохнул старший. – Только словесный портрет: высокий, сутулый, худой, волосы коротко стриженные – ёжиком. Сбежал буквально вчера, так что причёска не выросла. Из особых примет – заячья губа. Если увидите, лучше в одиночку не брать – он тип опасный и крови на нём много, убивает не раздумывая.

– Спасибо за предупреждение, товарищи, – поблагодарил я.

– Хорошего вам пути! – Чекисты вышли из купе, затворив за собой дверь.

– Ужас какой! – сказала Катя.

– Ты чего? – удивился я.

– Да как подумала, что этот душегуб может ехать в одном вагоне с нами – аж вздрогнула! Как только таких гадов земля на себе носит! – воскликнула она.

– Так для того мы и нужны, чтобы не носила, – усмехнулся я. – Но ты не переживай, доберётся ГПУ до этого бандита.

Бах! Бах! Бах! Три коротких выстрела заставили меня подскочить с места и схватиться за револьвер. Кто-то истошно завопил – кажется, кричала какая-то женщина. И снова – бах! Крик перешёл в вой и прекратился.

Я схватился за револьвер, кинулся к двери.

– Жора! – Катя побледнела словно мел. – Ты куда?! Не вздумай! Я тебя не пущу.

Она схватилась за меня и потянула к себе с такой силой, что я едва не упал.

– Прости, сестрёнка! – Я с трудом вырвался из её рук. – Так надо...

– Жора!

Не дослушав, что она ещё хотела мне сказать, я распахнул дверь и выглянул в коридор. В отдалении лежали два тела – судя по кожанкам, те самые чекисты. Чуть поодаль раскину-

лась женщина, кажется, мёртвая – случайная свидетельница перестрелки.

Катя как в воду глядела – через пару купе от нас находился злодей. Тот ли самый Фёдор Капуста или кто-то другой, которого разоблачила устроенная ГПУ проверка документов, но действовал гадёныш решительно: уложил сразу трёх человек.

Впереди хлопнула дверь, ведущая в тамбур. Вряд ли это пассажиры, наверняка уходит бандит.

А у него только один путь отхода – один из тех вариантов, что прикидывал я: прыжок с поезда на насыпь. И что-то мне подсказывало: вряд ли он сломает себе ноги или свернёт шею. Эти сволочи бывают чересчур фатовыми. Выходят сухими из воды и не при таких раскладах.

Врёшь, скотина! Не уйдёшь.

Я кинулся в направлении тамбура.

Бандит словно почувствовал внезапную погоню, рывком распахнул дверь и выстрелил. Он явно не целился, палил практически на звук, и потому пуля лишь разбила осыпавшееся десятками осколков окно, из которого тут же ударил резкий порыв холодного ветра.

Я выпалил в ответ, тоже почти наудачу и с аналогичным результатом. Противника даже не зацепило.

Внезапно поезд дёрнулся, дико завизжали тормоза – это поезд замедлял ход. То ли машинисты слышали перестрелку, то ли сорвали стоп-кран, хотя я даже понятия не имел, су-

существует ли здесь что-то подобное. Главное, что состав дёрнулся, а пол ушёл у меня из-под ног.

Инерция бросила меня на спину, припечатала к ковровой дорожке и покатила по коридору словно шайбу по льду.

Это-то и спасло, потому что вслед за падением последовали два револьверных выстрела. Мне даже показалось, что я вижу, как надо мной проносятся пули. Конечно, это была всего-навсего игра воспалившегося воображения. Но могу сказать точно: если бы поезд не стал тормозить, меня бы на этом свете больше не было.

Боли от падения я не ощутил, сразу же перекатился со спины на живот и, подняв голову, увидел, что в меня стреляли с противоположного конца вагона. Вряд ли Капуста мог туда телепортироваться из другого тамбура, так что вывод был прост: у злодея в составе имелись подельники. Почему их пропустили чекисты – другой вопрос.

Второму стрелку тоже не повезло, торможение поезда кинуло его на дверь соседнего купе, удар пришёлся аккурат головой в ручку, и теперь кровь заливала ему лицо. Однако тип попался настырный и сдаваться не спешил. Он снова навёл на меня револьвер.

Стрелять из положения снизу не очень удобно, однако я не сплеховал, вlepил пулю противнику прямо между глаз, а когда убедился, что с ним покончено, снова вскочил на ноги и помчался к тамбуру.

По пути пришлось перепрыгнуть через тела чекистов и

женщины.

Поезд проскрипел ещё несколько метров и остановился к тому моменту, как я оказался на посадочной площадке вагона. Дверь была распахнута, кроме меня больше никого не было.

Я спрыгнул на насыпь и осмотрелся.

Места неудачнее было не придумать. Сразу за насыпью начинался глухой непролазный лес. Если Капуста не дурак, он давно уже там. Может вообще перемахнул под вагоном и оказался на другой стороне.

Песок позади зашуршал, сразу несколько человек бежали ко мне, размахивая оружием.

Я понял, что выгляжу немного двусмысленно, что меня могут принять не за того и, набрав полные лёгкие воздуха, закричал:

– Товарищи, я свой – из губрозыска. Бандит в лес убежал!

И в ту же секунду меня свалили с ног, а в лоб уставилось холодное дуло револьвера.

– Всё, контра! Ты попал!

Глава 7

– Сам ты контра! – разозлился я. – Ствол убери, а то нена-роком застрелишь.

– Кто такой?

– Документы в кармане – я же предупреждал, что свой, из губрозыска.

– Поднимите его на ноги, – скомандовал кто-то.

– Сам встану, – буркнул я.

– Вставай, но чтобы без глупостей.

– Да понял я, понял! – ответил я. – Не хватало ещё, чтобы от своих пулю схлопотать.

Мои бумаги уже извлекли на божий свет.

– С документами всё в порядке, – проговорил молодой кудлатый парнишка в будёновке, лихо сдвинутой набе-крень. – Товарищ Быстров действительно из губрозыска. На-ходится в отпуску по ранению. Печать, подпись – всё на ме-сте.

– Что случилось, товарищ Быстров? – спросил второй че-кист, мужчина лет сорока. – Вы можете объяснить, кто стре-лял, и как вы, а главное – почему, оказались на насыпи?

У него был лёгкий прибалтийский акцент – наверное, ла-тыш. В первые послереволюционные годы их было много в армии – о знаменитых латышских стрелках не слышал разве только ленивый – и в ЧК.

– Сотрудники ГПУ во время проверки документов обнаружили в вагоне первого класса преступника. Скорее всего, это беглый Фёдор Капустин. Он застрелил их и подвергнув-шуюся под руку женщину. Я находился в этом же вагоне, в другом купе – услышал выстрелы, выскочил в коридор. Завязалась перестрелка. Преступник был не один, у него оказался помощник. Я его убил, но вот Капустину удалось скрыться. Он наверняка ушёл в лес.

Латыш поморщился, выругался на своём языке.

– Надо проверить у других пассажиров, возможно, они видели, куда убежал преступник, и могут описать его внешность, – приказал он парню в будёновке. – А вы, товарищ Быстров, успели разглядеть беглеца?

– К сожалению, нет, – вздохнул я. – Будете искать Капустина?

Чекист огляделся:

– Боюсь, это напрасная трата времени. Считаю, что в данной ситуации организация погони не имеет смысла. Ничего, Капустин от нас никуда не денется. Не он первый, не он последний – найдём субчика!

Немного подумав, он таки высказал мучивший его вопрос:

– А наши товарищи – точно убиты или есть надежда, что кого-то лишь ранило?

– Не успел проверить. – признался я.

– Ковин, – подозвал латыш к себе ещё одного сотрудни-

ка ГПУ. – Найди в составе среди пассажиров врача, пусть срочно идёт в этот вагон.

Ковин оказался расторопным сотрудником. Через пару минут появился доктор – полный мужчина с румяным лицом добряка.

Одному из чекистов повезло, его ранило, однако само ранение вызывало у врача серьёзное беспокойство.

– Я, конечно, сделаю всё, что в моих силах, но раненого необходимо срочно отправить в госпиталь, – засуетился доктор.

– Мы высадим его на ближайшей станции. Ковин, скажи машинистам, пусть трогаются, – распорядился латыш.

– Удалось опознать пособника? – спросил я.

– Документы у него, скорее всего, липовые. Когда приедем – сделаем фотографию и разошлём для опознания. Вам, товарищ Быстров, огромное спасибо от лица ГПУ, – Латыш протянул руку для пожатия.

– Одно дело делаем, – улыбнулся я.

Похвала чекиста была мне приятна.

– Может, перейдёте к нам из губрозыска?

– хитро прищурился чекист. – Понимаю, что ваше начальство вряд ли отпустит столь ценного сотрудника, но мы что-нибудь придумаем.

Я невольно улыбнулся, вспомнив, как совсем недавно меня «сватал» Кравченко. Правда, если тогда это был явный развод, рассчитанный, что я, будучи окрылённым такой пер-

спективной, плюну на принципы и сдам своего начальника. Этот чекист, в отличие от Кравченко, говорил на полном серьёзе.

– Спасибо за доверие, товарищ...

– Маркус, – представился чекист.

– Большое спасибо за доверие, товарищ Маркус, но пока, к сожалению, не могу принять ваше предложение. Я чувствую себя на своём месте в уголовном розыске и пока не планирую ничего менять.

– Жаль, – разочарованно протянул латыш.

– Но я всё-таки буду иметь вас в виду. Возвращайтесь к себе в купе, товарищ Быстров. Вас уже наверняка заждались ваши спутники. Дальше мы справимся сами.

В купе меня встретила встревоженная донельзя Катя. У неё были заплаканные глаза.

– Не сердись на меня, сестрёнка, – кающимся тоном проговорил я. – Иначе было нельзя.

– Ну почему?! Почему?! – простонала она.

– Помнишь, ты говорила про своего мужа, что он – человек чести?

Катя кивнула.

– Так вот, – продолжил я, – для меня тоже честь – не пустой звук.

– Боже мой! – воскликнула она. – Как всё-таки сложно с вами, мужчинами!

– Твоя правда, сестрёнка, – я поцеловал её в лоб.

– С другой стороны, будь мы другими, ты бы не любила ни Александра, ни меня, – добавил я. – И не переживай, я под пули подставляться не собираюсь. У меня ещё слишком много дел....Поезд медленно подходил к конечной станции – Петрограду.

«Не изменяя весёлой традиции, дождиком встретил меня Ленинград». Мама очень любила эту песню: она родилась в Питере и передала мне свою любовь к городу на Неве.

«Только там я чувствую себя дома», – порой говорила она, особенно после того, как папы не стало.

В шестидесятых – начале семидесятых мамина семья жила в старинном доме на улице, которая в советское время носила имя британского социалиста Джона Маклина. Потом проспекту вернули дореволюционное название, теперь это Английский проспект. В те дни, когда мне удавалось посетить Питер, я приходил к этому дому и пытался представить себе их жизнь: как они собирались возле огромной печи, как мама ходила в школу, как случайно встретилась на улице с папой. Потом были институт, переезд в другой город, рождение меня... Мама всю жизнь мечтала вернуться в Питер и навсегда. К сожалению, ей было не суждено умереть на родине. После того, как её не стало, я часто с тоской думал о том, что не смог выполнить желание дорогого мне человека, мамы...

И вот я подъезжаю к городу её мечты. Правда, до появления на свет моих родителей ещё целых тридцать лет, и это не

тот Ленинград, где они росли. Не тот город, по улицам которого бродили мы с дедушкой, любуясь шедеврами архитектуры, лакомясь вкуснейшим ленинградским эскимо на ходу или жадно поедая шарики мороженого, политого сиропом, в подвальных питерских кафе на центральных проспектах.

Прежним осталось одно – погода. И в полном соответствии с той песней, Ленинград, то есть сейчас Петроград, встречал прибытие нашего поезда сильным дождём. Небо было затянуто тучами, отчего всё вокруг красилось в серый и потому мрачноватый цвет. Ветер грохотал на крышах, норовя оторвать водосточные трубы. Повсюду, куда ни кинь взгляд, была вода. Она стояла на булыжных мостовых, громко переливалась в канализационных колодцах.

Люди пересекали улицы короткими перебежками. Зонты были бесполезны – ветер мял и ломал их как пластилиновые.

И тем не менее у меня на душе было хорошо. Я тоже ощутил, что нахожусь дома, почувствовал незримое присутствие мамы, отца, бабушки и дедушки, тех моих родных, что когда-то не пережили страшную блокаду, что рыли окопы и траншеи, сражались, чтобы прорвать немецкое кольцо. Они сделали всё, чтобы страна победила, чтобы родилось поколение наших пап и мам, чтобы появились на свет мы.

Я вдруг ощутил себя пигмеем на фоне их подвига. Слезы едва не выступили у меня из глаз.

– Ты чего застыл как столб? – толкнула меня в спину Катя.

– Просто задумался. Давно не был тут, будто целую

жизнь, — сказал я правду.

— Не зевай! Побежали к вокзалу, переждём дождь там, — сказала сестра.

Основной поток пассажиров тёк в направлении красивого здания вокзала. Под его крышей действительно можно было пересидеть, покуда капризная питерская погода сменит свой гнев на милость.

Ноги и одежда промокли, покуда мы попали с перрона внутрь роскошного строения, ещё не успевшего растерять дореволюционный лоск.

Тут было темно и шумно. Звуки голосов сотен людей сливались в монотонный гул.

— Я замёрзла, — пожаловалась Катя.

— Навестим буфет, — предложил я.

Полцарства за чашечку кофе и эклер!

Людей здесь было намного меньше, чем в коридорах и залах ожидания вокзала. Мы без особого труда разыскали свободный столик. Когда я пошёл делать заказ, стало ясно — почему. Цены были заломлены просто безбожно.

Но мне слишком хотелось выпить чего-нибудь горячего, и скрепя сердце я всё же купил нам и кофе, и пирожных. Гулять так гулять!

— Жора, ты наверное сошёл с ума! — покачала головой Катя. — Здесь ведь так дорого!

— Ничего, — сделав вид, что мне всё «по барабану», отмахнулся я. — Могу себе позволить.

Она фыркнула.

– Видела я, как ты живёшь – костюм и тот с чужого плеча!
А туда же... гусар! – насмешливо добавила она.

Мне тоже стало смешно после её слов. Я даже пропустил мимо ушей старорежимного «гусара», хотя прежний Быстров вполне мог на него среагировать.

Мы допили кофе. Покидать тёплое помещение буфета и выходить на холодную сырую улицу не хотелось.

Внезапно в помещении заплясали солнечные зайчики. Я выглянул в окно. Дождь прекратился, привокзальная площадь начала оживать и заполняться народом.

– Кажется, нам пора, – произнёс я.

Катя вздохнула.

– Знаешь, если бы не тот кошмар, что творится с Сашей, я бы сидела тут с тобой целую вечность, – призналась она.

– Мне тоже хорошо с тобой, сестрёнка. Однако труба зовёт. Каков план действий?

– Сначала едем ко мне. Я переодену тебя во всё сухое – у тебя такое же телосложение, как у мужа. Думаю, кое-что из его вещей тебе подойдёт. Как поступать дальше – тебе видней.

– Поговорю со следователем, а там будет видно, – сказал я.

Козырь в виде рекомендательного письма, я хотел использовать только на крайний случай.

– Будет непросто, – предупредила Катя.

– Он упёртый как баран. Видит во всех врагов народа и ру-

ководствуется исключительно революционной целесообразностью так, как её понимает. Сама себе удивляюсь, как не убила его вот этими руками!

– Правильно сделала, что не убила, – усмехнулся я. – Тогда мне бы пришлось выручать из тюрьмы сразу двоих родственников.

Глава 8

Красный трамвайный вагончик британской фирмы «Brush» качался на поворотах, скрипел, дребезжал на стыках рельсов. Мы сели на него у вокзала, причём не с первой попытки: трамвай был самым массовым и популярным видом транспорта в Петрограде и, кажется, в любое время тут был час пик. Пробивались к трамваю сквозь настоящее вавилонское столпотворение. Пришлось поработать локтями, чтобы пробить «коридор» к подъехавшей сцепке из двух вагонов, толкнуть Катю и забраться самому. И тут же нас утрамбовали, запихав в середину тесного салона с двумя рядами деревянных лакированных лавок, расположенных вдоль стен.

Увы, все места на лавках оказались забиты как людьми, так и вещами – это мы были практически без багажа, подавляющее большинство пассажиров просто умирало под тяжестью груза: от чемоданов до узлов и огромных мешков.

Мы ехали до «Васьки» – Васильевского острова. Дом Кати находился где-то в конце 12-й линии. Если бы шли пешком, потратили бы уйму времени, да и погода снова переменялась: солнце скрылось за тучами, захлестал дождь.

Я бы, может, и рискнул топтать на своих двоих, в конце концов для бешеной собаки семь вёрст не крюк, однако стоило пожалеть Катю. Ещё не хватало застудить сестру. Она и так уже начала хлюпать носом. Трамвай же давал возмож-

ность преодолеть основную часть пути хотя бы под крышей. Там, глядишь, погода сменит гнев на милость.

Чтобы попасть на Васильевский остров, нужно было проехать почти весь Невский, а потом пересечь длиннющий мост через Неву.

Несмотря на погоду и предстоящие хлопоты, мне было очень любопытно посмотреть, что из себя представляет Петроград образца 1922-го года. Путь пролегал через исторический центр города, так что посмотрим, многое ли изменилось за последующие сто лет.

Мне вот не довелось в прошлой жизни кататься на трамвае по Невскому, рельсы убрали ещё до того, как родились мои родители. Так что это был в каком-то роде новый аттракцион.

Вот только рассмотреть город из окна трамвая не получилось. Народу набилось внутрь как сельдей в бочку, нас сдавили со всех сторон, гора вещей и головы пассажиров заслоняли от меня окна. Пассажиры не жаловались: вагон едет – и ладно. Тем более многие трамвайные маршруты по сути запустились совсем недавно: несколько лет после революции движение на рельсах замерло, восстановление и развитие началось в этом году. Люди запрыгивали на ходу, держались за поручни, облепляли небольшой вагончик спереди и сзади, рискуя жизнью – пусть даже скорость была невелика, но кто даст гарантию, что не сорвёшься и не попадёшь под колёса проезжающей машины или под копыта ломовой лошади?

Вагон не отапливался, в нём было прохладно, чувствовалась сырость, но ведь лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Не знаю, каким образом Катя догадалась, что пора выходить. Она всю дорогу простояла, уткнувшись носом в мой пиджак, а остановки не объявлялись.

Мы оказались на мостовой. Дождь больше не лил как из ведра, только слегка моросил.

– Куда идти? – спросил я, озираясь.

– Тут недалеко, – ответила Катя и потащила за собой.

Я поднял воротник пиджака, способ согреться скорее символический, чем действенный.

Мы нырнули в одну арку, пропетляли среди колодцев, потом оказались у чёрного хода внешне непримечательного шестиэтажного дома с обшарпанными стенами, где местами штукатурка обсыпалась и явила под собой потрескавшийся кирпич.

Я честно пытался запомнить путь, но потом сдался – весь этот лабиринт обветшавших зданий никак не желал укладываться в голове. Надо будет самому поискать выходы через центральные улицы, авось тогда не буду блудить.

– Какой этаж? – поинтересовался я.

– Четвёртый. Вон там, – показала Катя, вскинув подбородок, – наши окна. Да, ты ничему не удивляйся. Нам здесь выделили жилплощадь от военшколы, дали комнату в квартире, где раньше жил какой-то стряпчий. Говорят, он подался в эмиграцию, живёт не то в Париже, не то в Берлине. Дом на-

ционализировали, прежних жильцов уплотнили. Пусть комната одна, зато большая и светлая, а ещё в ней есть печка. Военшкола выписывает нам дрова, так что зимой не мёрзнем, – улыбнулась Катя.

Я понимающе кивнул. Катю с мужем поселили в коммуналке. Так сейчас живёт почти вся страна, вернее – её городская часть.

В прошлом наша семья несколько лет провела в коммуналке, пока отцу не выделили квартиру. А до этого помню и общую кухню с несколькими газовыми плитами и график дежурств в уборной и душе.

С соседями нам повезло, мы дружили, проводили праздники вместе, отмечали дни рождения, ездили на природу, ходили на демонстрации. Быть может, время щадит нас. Мы забываем плохое, в памяти остаются лишь самые хорошие моменты, но почему-то мне кажется, что это был не самый плохой период моего детства. Хотя убей – не могу припомнить пьяных драк, склок и прочих дразг. Как-то уживались, проявляли деликатность, при этом, как в деревне, все знали обо всех. Было что-то доброе и очень тёплое. Хотя... наверное, меня просто охватил приступ ностальгии по моему детству.

Мы вышли на лестницу, поднялись на четвёртый этаж и оказались на широкой площадке, где друг напротив друга, словно зеркальные отображения, находились две массивные двери. На каждой имелась кнопка звонка и табличка с над-

писью, кому из жильцов сколько раз звонить.

Катя поймала мой взгляд и ответила на невысказанный вопрос:

– Нам повезло – легко запомнить. Быстровы: четвёртый этаж – четыре звонка.

– Действительно, просто, – усмехнулся я.

– Как с соседями? Повезло? Она пожала плечами.

– Грех жаловаться. Нормальные соседи. Когда мужа арестовали, все приходили и поддерживали меня, очень сочувствовали. Даже подарили солёных огурцов.

Ключ, в отличие от моей общаги, под ковриком не держали. Катя брала его с собой. Она открыла общую дверь.

– Проходи.

– Только после тебя.

Сестра не стала спорить. Вошла первой, а я придержал дверь.

– Дверь запирать не надо, она сама захлопывается, – предупредила Катя. – Только, пожалуйста, не грохай. У меня один сосед работает сторожем – он постоянно дежурит по ночам и не любит, если его будят после смены.

– Сам такой, – понимающе кивнул я. – Сон – дело святое.

Мы крадучись прошли почти до конца коридора.

– Вот наша комната. – сказала Катя. – Посмотришь, как мы живём.

– Жду с нетерпением, – улыбнулся я.

– Обувь не снимай, я уехала в страшной спешке, не успела

подмести и помыть пол.

– Боишься, что я натопчу тебе грязными портянками, – пошутил я.

Судя по улыбке Кати, эта шутка ещё не успела обрести бородой.

– Вуаля, – сказала она, отпирая дверь.

Я не ожидал увидеть роскошные апартаменты, время, место и обстоятельства не располагали к такому. Но Кате удалось обойтись минимумом средств, чтобы сделать комнату уютной, а этот уют складывался из многих, зачастую мелких и не сразу различимых вещей: здесь подобранные в цвет обоям занавесочки, тут аккуратно заправленная кровать и клетчатый плед на диване, дорожка на полу, салфеточки на столе, какие-то вязаные штучки и прочие-прочие вроде бы мелочи, но как же они преображали это место!

– Ты молодчина, сестра! – сказал я. – У тебя здесь просто здорово! Завидую твоему мужу.

Катя улыбнулась.

– Приятно слышать от тебя, Жора, такие слова. Я боялась, что ты назовёшь мои старания пошлым мещанством.

– Ты плохо обо мне думаешь, сестрёнка.

– Так! – опомнилась Катя. – Только что хвасталась, какая я хозяйка, и совсем забыла, что гостя надо покормить и переодеть: ты ведь до нитки промок.

– С тебя самой вода течёт, – заметил я.

– Ничего страшного! С собой я как-нибудь разберусь.

– Вот и разбейся. А я – не сахарный, не растаю.

– Ладно. Я уже поняла – тебя не переспоришь. Погоди минутку.

Сестра открыла створки шифоньера, задумчиво постояла перед ним, а потом достала несколько вещей и спряталась от меня за шторкой. И пусть сквозь неё ничего не было видно, я всё равно деликатно отвернулся. Зачем смущать сестру?

После того, как Катя переделалась – теперь на ней был домашний халат, она снова распахнула шифоньер и стала перебирать висевшие на «плечиках» вещи.

– Кажется, это будет тебе в самый раз, – наконец, определилась она.

– По-моему, это перебор, – присвистнул я.

– Так одеваются преуспевающие адвокаты или профессора.

– Ничего страшного, тебе пойдёт! – затараторила она. – Сейчас ещё с обувью что-нибудь придумаем. Этот костюм-тройка явно плохо сочетается с твоими сапожищами. Вот! – Катя извлекла из недр шкафа нечто сверкающее лаком. – Ну-ка примерь.

– Что, на голые ноги? – хмыкнул я.

– Почему! – обиделась Катя. – Я дам тебе носки.

Поскольку резинку в носках ещё не изобрели, крепился этот предмет мужского гардероба на своеобразных подтяжках. Мне ещё ни разу не приходилось иметь с такими дело, и если бы не помощь Кати, не знаю, сколько бы с ними про-

возился.

– Это тебе не портянки наматывать, – с усмешкой подко-
лола меня сестра.

Я улыбнулся.

– Схожу на кухню – посмотрю, что можно придумать на
обед, а ты пока переодевайся, – велела Катя.

– Слушаюсь и повинуюсь! – откозырял я.

Катя вышла.

Я переоделся и критически осмотрел себя в зеркале, ви-
севшем на двери шкафа. Из него на меня глядел черес-
чур важный и лощёный тип. Добавить шляпу-котелок, взять
в руки тросточку и буду выглядеть словно карикатура на
буржуина из «Окон РОСТА» или свежего номера журнала
«Крокодил».

Послышалась неприятная трель электрического звонка –
будто включили бор – машину. Один, два, три, четыре...

Странно, кого это ещё принесло?

Скрежет отпираемого изнутри замка – это Катя пошла от-
крывать незванным гостям.

Я прислушался. До комнаты доносились лишь отдельные
фразы, смысла я не улавливал, было ясно одно: разговор вёл-
ся на повышенных тонах.

Дверь распахнулась, вошла Катя. Её плечи вздрагивали,
на глазах застыли слёзы.

– Катя, что случилось? – с тревогой спросил я.

– Они... они, – глотая слёзы, заговорила она, – пришли,

чтобы сказать: у меня есть два дня на сбор вещей.

– Что это значит? – не сообразил я.

– Нас с Сашей выселяют из квартиры.

Глава 9

– Та-а-ак, – с шумом выдохнув, произнёс я. – Они уже ушли?

– Нет, – всхлипнула Катя. – Сидят на кухне, хотят, чтобы я показала им все бумаги на жильё, ждут...

– Подождут, – объявил я. – Побудь тут, никуда не выходи.

– А ты?

– А я пока поболтаю с товарищами.

С этими словами я вышел из комнаты.

На просторной кухне за столом сидели трое: бородатый мужчина в полувоенной форме, тощий юнец в студенческой тужурке и полная женщина с насупленными густыми бровями.

– Здравствуйте, товарищи, – поприветствовал их я.

– Здравствуйте, – с напряжением в голосе сказал бородач. – Простите, а кем вы будете? Не припоминаю что-то вас среди жильцов.

– Уголовный розыск, – показал я издали свои «корочки», надеясь, что они не увидят моей фамилии и того, что я работаю в другом городе.

Обыватель в большинстве привык верить на слово представителям власти, в документы всматриваться не стали.

– Тогда вы очень кстати, – обрадованно сказала женщина.

– А что такое? – хмыкнул я, догадываясь, что сейчас услы-

шу.

Предчувствия меня не обманули.

– Мы – актив товарищества жильцов нашего дома. Моя фамилия Цимлянская, я исполняю обязанности управляющего домом. Это товарищ Быков, – она показала на бородача. – Это товарищ Иванов-Сидоров.

«Студент» со странной двойной фамилией утвердительно качнул подбородком.

– Очень рад, – с показным радушием произнёс я. – Итак, я вас слушаю, товарищи. Что привело вас сюда?

– Если вы из уголовного розыска, то прекрасно всё знаете, – удивилась Цимлянская.

Похоже, она здесь всем заправляла, а бородач и студент – не более, чем группа поддержки.

– Мне бы хотелось услышать детали, – сказал я.

– Я всё расскажу, товарищ сотрудник уголовного розыска. Муж гражданки Быстровой – Александр Быстров оказался скрытой контрой и убийцей, его посадили. На совете товарищества жильцов мы приняли решение, что семье враждебного элемента Советской власти не место в нашем доме, – заученно произнесла Цимлянская. – Общим голосованием было постановлено, что гражданка Быстрова должна освободить незаконно занимаемую жилплощадь. Товарищ Лапин из жилотдела Василеостровского района нас полностью поддержал. Это страшное расточительство – предоставлять жилплощадь врагам и их пособникам, пока другие жильцы

нуждаются в улучшении условий. На исполнение решения определено двое суток. Если гражданка Быстрова не подчинится решению товарищества жильцов и жилотдела, мы будем вынуждены прибегнуть к помощи милиции.

– Понятно... Скажите, а кто претендует на квадратные метры гражданки Быстровой?

Цимлянская покраснела.

– У нас есть список лиц, нуждающихся в улучшении условий, – с некоторой запинкой сказала она.

– Простите великодушно, а вы в этот список входите?

– Не понимаю к чему вы клоните, товарищ?

– Вообще-то это вопросы полагается задавать уголовному розыску, а вы как сознательные граждане обязаны на них отвечать. А если вы не поняли, что я спросил, могу повторить: кто претендует на жильё семьи Быстровых? – с нажимом произнёс я.

– У нас много тех, кто действительно достоин того, чтобы улучшить жилищное положение, – проговорила Цимлянская. Группа поддержки закивала.

– И вы, конечно, находитесь среди этих, без сомнения, достойных товарищей? – с иронией спросил я.

Цимлянская с вызовом ответила, гордо выпятив безразмерную грудь.

– Да! Как убеждённый сторонник Советской власти, бывший председатель домкомбеда и выбранный всеобщим голосованием в актив жилтоварищества я вправе съехать с той

клетушки, которую занимаю с супругом – между прочим, инвалидом! – над вонючим подвалом.

– Другими словами, вы – лицо заинтересованное, – подвёл черту я. – А теперь, пожалуйста, послушайте меня. Да, Александр Быстров в настоящее время арестован, но суда ещё не было, поэтому никто не вправе называть его контрой и убийцей до приговора.

– Вы что, хотите сказать, что наши органы следствия могут ошибаться? Станные у вас какие-то разговорчики для сотрудника уголовного розыска, – взвизгнул Иванов-Сидоров.

– А кто дал вам право заменять собой наш советский суд? – перешёл в атаку я. – На каком основании вы выносите приговор человеку? – Но... – «Студент» заткнулся, не найдя, что ему сказать.

– Это раз, – продолжил я. – А теперь – «два»: жилплощадь в вашем доме была выделена через военшколу, преподавателем которой Быстров является до сих пор – с должности, прошу заметить, его не уволили, – этого момента я точно не знал и потому пришлось блефовать. – Поскольку военшкола является учреждением Красной Армии, только военное ведомство вправе решать, кто вправе занимать ведомственную жилплощадь. Быть может, вы хотите, чтобы руководство военшколы обратилось лично к товарищу Троцкому?

Упоминание «Льва революции» разом охладило пыл троицы. Однако сдаваться гражданка Цимлянская не собира-

лась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.